

А

Георгий Адамович

Андрей Белый и его воспоминания

Воспоминания о серебряном веке.

Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд.

М.: Республика, 1993. -- 559 с.

OCR Ловецкая Т. Ю.

*Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизни прожить не сумел!*

*Не смейтесь над мертвым
поэтом.
Снесите ему венок...*

Это -- стихи Белого, одно из самых характерных для него, беспомощных, пронзительных и прекрасных стихотворений. Неужели надо верить только поздним запискам, ведшимся в состоянии ужасного раздражения и уныния, а таким строкам верить не надо? К трем томам воспоминаний Андрея Белого следовало бы поставить эпитафией эти слова: "Не смейтесь над мертвым поэтом". Только они и способны немного смягчить впечатление, оставляемое этими книгами.

Позволю себе поделиться воспоминаниями. Впервые я увидел Андрея Белого на его лекции в Петербурге, за несколько лет до войны¹. В Петербург он наезжал довольно редко, и для тех, кто тогда только начинал умственно и душевно жить, не было и речи, чтобы можно было на доклад его не пойти. О чем он читал -- все равно: Андрей Белый будет говорить, надо, значит, его слушать! В выражении "мы", "для нас" есть всегда какая-то неясность. Кто "мы"? -- вправе спросить всякий. В данном случае "мы" -- это поколение, люди, которым кружил головы полуромантический, полурелигиозный тон новой русской поэзии, ее неясные взывания к Владимиру Соловьеву, который будто что-то "знал" и о чем-то "промолчал", ее ожидания чудесных превращений и свершений. Принято считать, что русская молодежь предвоенных лет делилась на "декадентов" и "общественников". Это и так, и не совсем так. После 1905 года в стихи Блока и Андрея Белого вошло слово "Россия", правда, в том гоголевском его звучании, которое препятствовало определить, о чем, собственно говоря, речь: географический ли это термин, имя ли народа, сумма культурных традиций и устремлений? Россия -- "родина". И Гоголь, и Блок предпочитали называть ее Русью, как более ласкательным, "интимным" именем. Мы, "декаденты", догадывались, что уже о ней думал Блок, рассказывая о своей незнакомке с "очами синими, бездонными", и что, во всяком случае, время демонстративно-эгоистических замыканий "в области прекрасного" безвозвратно прошло. Безвыходность и бесплодность эгоизма нам была ясна. Белый посвятил один из своих тогдашних сборников памяти Некрасова, и это был знак, что должен быть найден мост. Да и какое же "преображение мира" в башне из слоновой кости, с равнодушием ко всему, что способно мало-мальски нарушить "часов раздумий сладкий ход"? Деление на декадентов и общественников во многом было основательно. Но не во всем. Судили по внешности. В Петербургском университете существовали семинарии, где утвердилось обращение "товарищ", существовали и другие, где оно вызывало молчаливое осуждение. Общественники-студенты щеголяли косоворотками, эстеты и декаденты белыми воротничками, что как будто доказывало классовое, социальное расслоение! Но в сознаниях шел порою процесс далеко не столь же элементарный, и определять его по воротничкам и манерам было бы опрометчиво и близоруко. Не одни только маменькины сынки были увлечены духовным движением, которое на вершинах своих жило ожиданием примирения двух жизненных начал: личного и, как тогда говорили, "соборного".

На эстраде длинного и, как сарай, мрачного зала петербургского Соляного городка стоял человек, еще молодой, но уже лысеющий, говоривший не то с публикой, не то с самим собой, сам себе улыбающийся, обрывавший речь в моменты, когда этого меньше всего можно было ждать, вдруг застывавший будто в глубоком недоумении, потом внезапно раздражавшийся потоком безудержно-быстрых фраз. Перед ним был пюпитр, похожий по форме на церковный аналой. На пюпитре горели две свечи в тяжелых серебряных подсвечниках. Лицо Андрея Белого было слабо освещено их колеблющимся пламенем. По временам оратор протягивал к подсвечнику руки и в такой "иератической" позе на три-